

Я много прожил, но до сих пор — пацан

Отца Саша Збруева расстреляли в тридцать седьмом. Он был крупный специалист в наркомате связи. Мать Саша была актриса и работала на кинофабрике имени Чайковского. За мужа ей «полагалось» пять лет исправительно-трудовых лагерей. Но в тридцать восьмом родился Саша, и лагеря заменили ссылкой. Гуманной, наверное: сослали под Рыбинск всего-навсего.

О подробностях своих первых пяти лет жизни Александр Викторович Збруев рассказывает все-таки вскользь:

— Я пришел к удивительному выводу: в той ситуации я мобилизовал свою мать на жизнь. Она не только меня спасла, она себя сберегла. Ради ребенка.

А потом была улица. Улица называлась Арбат. И был двор дома, в котором жил Саша Збруев:

— Это была удивительная атмосфера. Время «шпанства» и дворового братства. Мы рано начали жить. Хулиганили, курили. Свой первый стакан водки я выпил в классе в четвертом. Меня оберегали, я был малолетка в своей компании. Но держался со всеми на равных. Сегодня даже странно вспоминать все это. Потому что среди моих друзей были даже воры в законе. Из меня вполне могло не получиться актера. Но время все равно было удивительное. Доброе.

Актер Александр Збруев — человек настроения, видимо. Может сидеть и скучать в компании популярных людей. И не испытывать, видимо, никаких комплексов по тому поводу, что телевидение показывает компанию на всю страну. Может улыбнуться и преобразиться. Моментально. Может рассказать что-то, что, наверное, расскажет не каждому. Актера Александра Збруева могло просто не быть?

— Меня спасла мать, вытащила. Она была безумно обаятельна. Ее любили. Она давно умерла...

Видно, что о матери ему не хочется рассказывать вскользь, походя. И он меняет тему:

— Я всегда безумно любил

Этого человека трудно воспринимать по привычным меркам. Кто он: оптимист, пессимист? Сам Збруев говорит, что очень ценит здравый смысл. Но глаза его от этого не становятся веселее...

театр. Через два дома от нашего был театр Вахтангова. Мой старший брат работал там. Я ходил на все премьеры. Причем не один. Я пригласил весь свой двор. Велю себя, конечно, по-хамски. Но, странное дело, я участвовал в том, что происходило на сцене. Мне это безумно нравилось.

Мы сидим в полутемном баре «Ленкома». Говорим обо всем сразу, перескакиваем с одного на другое.

Когда Збруев улыбается, его глаза оттаивают. В них загораются огоньки, а лицо становится мальчишеским. Кажется, до сих пор он остался «младшим братом».

Именно эта роль в фильме, снятом по аксеновскому «Звездному билету», сделала Збруева популярным. Выпускнику училища имени Шуккина удалось редкое: создать образ, который был взят «на вооружение» кинематографом. Была тогда такая потребность — новый герой. Збруев сыграл его.

— Просто я был тогда таким: младшим братом. Когда появилось решение снимать картину, на роль пробовалось много актеров. Но выбрал меня. И, знаете, у меня было такое ощущение, что книга-то и написана про меня. И про Олега Даля. Это было точнее попадание.

Последняя роль Збруева — в фильме Виктора Георгиева «Желание любви». Фильм по-

ставлен по мотивам повести Куприна «Впотьмах». Збруев играет Аларина, бедного инженера, любящего полюбоваться собой и дать встряску душе: он картежник. Опять точнее попадание. Сыграть так азарт дано не каждому. Впрочем, сам Збруев говорит о том, что человек он совершенно не азартный. И что такое карты — просто не знает. Да дело и вправду не в картах. Дело в натуре. И в фильме.

— Это фильм для души. Поэтому что сегодня мы существуем на уровне кухни: постоянно решаем, что есть, чего нет. Мы тонем в быту. И привыкли к эрзацу. Сегодняшняя культура — эрзац. Чувства — тоже эрзац. Подлинное нам очень сложно уже воспринимать. А классика — это запах настоящего.

— Ваш фильм — это любование. Любование ушедшей жизнью с другого берега.

— Это входило в замысел режиссера. Но любование — не самоцель, а попытка обратить внимание. На красивое. Потому что в сегодняшней жизни мы ничего не замечаем. Солнца на улице не замечаем. Проскакиваем мимо красивой музыки. Мы ведь дальше бежим, до конца не дослушиваем. Исповедуем стиль жизни... клиповый.

А нам очень хотелось показать красивых людей в красивой и все-таки более правильной, чем сегодня, жизни. Мо-

жет быть, краснота эта получилась излишне нарочитой. Но ведь все эти дворцы, церкви, города, что мы снимали, были созданы для людей.

— Ваша картина на самом деле нужна сегодня единицам.

— Значит, это беда большинства. Не потому, что фильм действительно получился. Просто потому, что это классика, Куприн. Не хочется? Ну что ж, кто-то так и не поймет, что все может заканчиваться не так, как в сегодняшней жизни.

— Вы довольны своей судьбой в кино?

— Я снимаюсь с 1962 года. До сих пор. Каждый актер моего поколения занял какое-то определенное место. Его учат, его есть. Вот и актер Збруев сегодня есть. Завтра не будет. И я понимаю, что у меня не было своего «Чапаева», «Девяти дней одного года», «Сорок первого». Могли еще десять картин назвать, которых у меня не было. У меня не было таких ролей, в которых я открыл бы свою душу, вывернулся наизнанку.

Поэтому, наверное, я часто в фильмах появляюсь с прищуром: как бы что-то здесь есть. Но очень хочется отбросить всякую улыбку, иронию. Открыться...

Збруева не надо защищать и не надо ему льстить. Все-таки умение удивлять — великий дар. Он может так сыграть алкоголика, что после

роли появляются слухи: спивается человек, а жаль. А может предстать прожигателем жизни. Так что присутствующая в кадре Наташа Негода кажется амбициозной девочкой. Но...

— Наверное, вы часто делаете то, что вам не хочется?

— Слишком часто. Такие поступки совершаются ради того, чтобы не испортить отношений с людьми, близкими мне. Когда отказываться — некрасиво. Но главное, чтобы в этой работе было что-то мое. Личное. Я всегда в таких случаях пытаюсь найти некий момент честности. Смысл.

— Трудно понять, выгляди-те вы уставшим или нет.

— Чтобы отдохнуть, надо не много времени. Такой усталости, чтобы навалилась раз и навсегда, нет. Знаете, стоит только появиться хорошему сценарию, можно ночи не спать. (Глаза Збруева моментально оживают). Просто беспокойно. Беспокойство появляется ранним утром и связано с той жизнью, которой мы живем. Включаешь телевизор, а там что-то недоброе происходит. Подходишь к водопроводному крану, оказывается, нет горячей воды. Выходишь из квартиры и видишь пьяную компанию. И политика. Политика — наша жизнь. Бог, отец, мать, судьба дали нам эту жизнь, чтобы радоваться ей. Но не получается. Это чужая жизнь, ничего мы в ней не можем. Вот разве что работа. Театр. Маленький островок счастья.

— Многие люди вашего возраста любят говорить: лучшие годы уже прожиты. И благословляют при этом шестидесятые. А вы?

— Нет, я такого не скажу. Нет, конечно, лучшие воспоминания связаны с тем временем. Но я не чувствую своего возраста. И не могу говорить какие-то истинные, вальяжно откинувшись на спинку стула: «Вы понимаете, молодые люди...» Я много прожил, но так и не стал учителем. И до сих пор чувствую себя двадцатилетним пацаном.

М. АНДРЕЕВА,
С. БЕРЕСТОВ.

Фото М. МАРМУРА.